

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

«По-моему, он нам подходит...». Такая лаконичная фраза явилась прологом одной хорошо нам знакомой творческой биографии.

Произнес эти слова Владимир Иванович Немирович-Данченко, прослушав студента второго курса Института театрального искусства Володю Канделаки. Было это в 1929 году.

А сегодня я пришла в просторную квартиру высотного дома на Котельнической набережной поздравить хозяина с 75-летием. Прошу его подробнее рассказать о той давней, определившей всю жизнь артиста встрече.

— Привел меня к Владимиру Ивановичу мой педагог по институту Леонид Васильевич Баратов, в то время главный режиссер Музыкального театра имени Немировича-Данченко.

Предложили спеть. Я, хоть и очень волновался, собрался с духом и запел каватину Алеко из оперы Рахманинова, арию из «Демона» Рубинштейна «Я тот, которому внимала...». Когда кончил, Владимир Иванович помолчал, пощипал бородку и, повернувшись к Баратову, сказал ему негромко, но так, что я слышал, вот те, знаменательные для меня слова. И вдруг вспомнилось, как три года назад я, тогда 18-летний студент консерватории, впервые увидел в исполнении коллектива, руководимого Немировичем-Данченко, «Дочь Анго», «Периколу», «Лизистрату», другие спектакли и твердо решил: если суждено мне когда-нибудь стать оперным певцом, то только в этом театре!

Мечта осуществляется.

Меня зачислили в труппу, дали роль в новом спектакле — опере Льва Книппера «Северный ветер», посвященной 26 бакинским комиссарам; я пел партию Джапаридзе.

С той самой поры и до сего дня — уже более полувека — моя жизнь неразрывно связана с нежно мною любимым театром, который ныне носит имена двух великих советских режиссеров.

— Доводилось ли вам встречаться в репетиционном зале со Станиславским?

— Константин Сергеевич изредка приходил к нам на репетицию, и это было всегда событием. Все, кто не был занят на сцене, сидели, не дыша, на верхнем ярусе, смотрели и слушали.

Я видел его и в спектакле — он тогда уже редко играл — в роли Крутицкого из пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Впечатле-

ние осталось грандиозное.

Да и вообще мне, можно сказать, здорово повезло: я не пропускал ни одной интересной театральной премьеры, видел многих незабываемых артистов Художественного и других театров, старался «брать» отовсюду, учиться у всех. А сколько давали случавшиеся порой творческие встречи с такими мастерами! Помню, снимался в фильме «Покорение победителей» вместе с Б. Щукиным, Н. Хмелевым, В. Марецкой... Даже только наблюдать за тем, как они строили роль, что говорили, — огромная школа.

Но, конечно, главные мои актерские университеты — это репетиции под руководством Владимира Ивановича, длившиеся, на мое счастье, пятнадцать лет. Если я, как актер, чего-то добивался, все благодаря моему любимому учителю. Педагог он был неподражаемый, умел показать самый маленький эпизод так, что становился ясным весь сценический образ. Умел и вдохновить исполнителя на собственную инициативу, радовался вместе с ним каждой находке.

— Какие партии вы могли бы назвать любимыми?

— Ну, это трудно, я так много пел в классических и современных операх и опереттах. Горжусь, что был одним из первых участников всех значительных премьер советских авторов. Вот в их операх многие партии особенно любил — такие, например, полярные образы, как кулак Сторожев в опере Т. Хренникова «В бурю» и героический Тарас в опере Д. Кабалевского «Семья Тараса».

— Вас можно считать одним из ярких примеров актера синтетического профиля: вы поете, играете, танцуете...

— Да, этому легче всего научиться в спектаклях так называемого легкого жанра — комических операх, опереттах, в которых я всегда играл (и играю до сих пор) с большим удовольствием.

— В вашей деятельности есть еще одна грань — режиссура...

— И прежде, и в последнее время режиссерская работа занимает в моей жизни много места. Ставлю спектакли не только у себя в театре, но и в других городах — Харькове, Алма-Ате, Днепропетровске, Петрозаводске, Саранске...

— Каковы же творческие планы Канделаки — актера и режиссера?

— Мне поручена роль Мендозы в новой комической опере Т. Хренникова «Доротея», премьера предполагается в мае. Как режиссер, собираюсь осуществить постановку комической оперы О. Тактакишвили «Чудаки»...

Когда наша беседа с Владимиром Аркадьевичем подошла к концу, он предложил мне посмотреть несколько дорогих для него фотографий. На одной из них заметила дарственную надпись. Под портретом Галины Сергеевны Улановой были такие строки: «Казахстанскому Гирею». И тут я узнала историю необыкновенного балетного дебюта Владимира Канделаки, так и оставшегося единственным в этом жанре в его биографии.

— Это было лет сорок назад, — рассказал артист. — Меня вызвали в Алма-Ату для участия в съемках фильма «Парень из нашего города». Там я встретил Галину Сергеевну, прибывшую на несколько недель в столицу Казахстана. Узнав о ее приезде, руководители театра оперы и балета упростили Уланову выступить в одном из спектаклей, она выбрала «Бахчисарайский фонтан». И как-то в разговоре со мной вдруг предложила сыграть с ней Гирей! Я с таким благоговением относился всегда к Улановой, к ее чудесному таланту, что неожиданно для себя самого (скорей всего от страха) сказал: «Да!». Вот тут-то и началось...

В течение двадцати дней Галина Сергеевна не давала мне ни отдыха, ни передышки, репетировала, показывала все «подержки», обучала балетным приемам. И своего добилась: под руководством такого великодушного педагога я затанцевал. Помогли мне, конечно, и мои выступления с танцами в опереттах, и то обстоятельство, что был я тогда еще молод и телом худ.

Этот дерзкий опыт я повторить бы, конечно, никогда не смог, но «школа Улановой» оставила неизгладимый след на всем моем творчестве.

Беседу вел
К. САМОЙЛО.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.